К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ

Н.Д.ЮЛАНОВА

Мақолада рус ва ўзбек тилларидаги от ясалиши категориялари тизимлари гендер ассиметрияси жиҳатидан қиёсий тадқиқ этилади.

In this article are researched the system of noun-forming categories in Russian and Uzbek on the aspect of gender asymmetry.

Системность словообразовательных отношений (СО) проявляется в разных аспектах: в организации словообразовательных гнезд (СГ), словообразовательных типов (СТ), морфонологии и т. д.

Большая часть единиц системы словообразования – это комплексные единицы: словообразовательная пара, словообразовательный тип, словообразовательная категория (СК), словообразовательная цепь (СЦ), словообразовательная парадигма (СП), словообразовательное гнездо (СГ).

В настоящее время основной единицей словообразования закономерно признается словообразовательный тип – схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц.

Е.А.Земская определяет СТ как схему (формулу) строения слов, характеризуемых общностью трех элементов:

« 1) части речи производящей основы,

2) семантического соотношения между производными и производящими,

3) формального соотношения между производящими, а именно общностью способа словообразования и словообразовательного средства (форманта), т.е. для аффиксальных производных тождественностью аффикса». [3.292]

В энциклопедии «Русский язык» дается более краткое определение СТ: «Это схема построения слов определенной части речи, характеризующаяся общностью трех признаков: а) части речи мотивирующих слов, б) форманта, в) словообразовательного значения» [1.304-305].

Определение СТ в «Русской грамматике» близко к определению Е.А.Земской: «Это схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общность части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или др. словообразовательные средства). То общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих, является словообразовательным значением слов этого типа; носителем словообразовательного значения является формант. Так, глаголы **прыгнуть, свиснуть, толкнуть** принадлежат к одному и тому же словообразовательному типу, так как они: а) мотивируются глаголами **прыгать, свистеть, толкать;** б) имеют общий формант – суфф. **-ну-** 2, со словообразовательным значением однократности» [7.135].

По определению А.Н.Тихонова, «словообразовательный тип – это формально-семантическая схема построения производных слов определенной части речи, отвлеченная от их конкретных свойств. Производные слова, составляющие словообразовательный тип, характеризуются общностью трех основных признаков: 1) имеют производящие, относящиеся к одной и той же части речи; 2) обладают одним и тем же формальным показателем; 3) выражают одинаковые семантические отношения к своим производящим, т.е. имеют одно и то же словообразовательное значение. Так, имена существительные **баранина, кабанина, осетрина, фазанина** и т.п. образуют один словообразовательный тип; 1) все они созданы на базе одной части речи – имен существительных; 2) имеют один и тот же формальный показатель – суффикс **-ин**; 3) выражают одно и то же словообразовательное значение – обозначают «мясо животного, названного в производящей основе» [8.31].

Семантической основой как словообразовательного типа, так и словообразовательной категории является словообразовательное значение, в описании которого в дериватологической литературе содержится немало расхождений и неясностей.

Признание словообразовательного типа в качестве основной единицы системы словообразования, отражает, на наш взгляд, объективное свойство системы словообразования – большую абстрактность по сравнению с лексическим уровнем, признание словообразования системой образцов абстрактного характера, которые находят свое наполнение, реализацию через воплощение в конкретных лексемах. Од-

нако во всех определениях СТ словообразовательное значение либо не называется, либо приводится после других признаков СТ, тогда как основная функция СТ – передача того или иного СЗ. Разграничение СЗ и других компонентов семантики ПС представляет значительные трудности вследствие диалектического взаимодействия СЗ и тех аспектов семантики ПС, которые связаны со спецификой мотивирующих слов, поэтому в принципе могут быть предложены разные понимания данной проблемы.

Приведенные дефиниции СЗ, по нашему мнению, отражают подход дериватологов к системе словообразования по принципу «от формы выражения (форманта) к значению и функции», а также недостаточную разработанность теории словообразовательного значения. В этом плане показательна формулировка А.Н.Тихоновым одного из СЗ: «мясо животного, названного в производящей основе» [8.31]. С нашей точки зрения, для СЗ это слишком конкретная формулировка, на самом деле СЗ здесь то же, что в ПС **древесина, белковина, кофеин, ванилин** и под., т.е. «вещественность». Если СЗ понимается как близкое к лексическому, то и система словообразования рассматривается как совокупность производных слов, если же СЗ рассматривается как чрезвычайно абстрактное, близкое к грамматическому значению, то и система словообразования рассматривается как, с одной стороны, абстрактный каркас большей части русской лексики, с другой — как порождающий механизм языка.

Чрезвычайно продуктивным нам представляется подход к описанию словообразовательного значения Е.С.Кубряковой: «Словообразовательные значения либо универсальны, либо чрезвычайно близки к универсальным концептам человеческого разума» [5.113]. Именно такой подход позволяет системно, «от СЗ», сравнивать словообразовательные системы языков разных типов.

Итак, словообразовательное значение рассматривается нами как абстрактное, близкое по типу передаваемой информации к грамматическому значению, однако, в отличие от ГЗ, выражаемое не грамматическими средствами, а словообразовательными формантами.

Изучению СК в дериватологии уделяется гораздо меньше внимания, чем изучению СТ (описание системы словообразования в «Русской грамматике» проводится именно в плане выделения и классификации СТ).

Словообразовательные категории, как и все языковые категории, имеют отражательный характер, но в то же время представляют собой систему двойного отражения: 1) отражение определенного понятия (субъекта, объекта, количества, пространства, времени и т.д.); 2) отражение специфики грамматического строя языка.

Е.А.Земская определяет СК как единицу более абстрактную, чем СТ: «она формируется совокупностью словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения. Словообразовательная категория выделяется на основании деривационного значения, в то время как средства выражения могут быть различными. В качестве примера словообразовательной категории можно привести категорию имен существительных, обладающих значением «производитель действия, названного производящей основой», образуемых разными суффиксами от основ глагола. В эту категорию входят существительные с суффиксами -**тель: отправи-тель, получатель; -ец: бо-ец, твор-ец; -ун: бег-ун, крик-ун; -щик: нормиров-щик, сортивор-щик** и т.п.» [3.333].

В данном рассуждении СК по сути определяется двойственно «от СК» и «от СЗ», в чем, на первый взгляд нет противоречия, т.к. СЗ всеми дериватологами признается одним из признаком СТ. Однако сущность этого признака не раскрывается и не описывается до выделения СТ, в результате чего возникает мнение «определение по кругу»: СТ описывается через интуитивно выделяемые СЗ, а само словообразовательное значение определяется как значение словообразовательного типа (или ряда СТ).

Кроме того, из приведенного отрывка неясно, может ли СК выйти за пределы одного способа, поскольку примеры приводятся только на один, в данном случае суффиксальный способ. При описании СК принципиально важно определить, включается ли способ образования в состав СК как ее обязательный компонент или производные одной СК могут относиться к разным способам. Второй, более широкий подход представляется более правильным; именно он соответствует принципу описания «от значения к форме (формам) его выражения».

«Объем и значимость словообразовательной категории не должны ограничиваться рамками определенного способа словообразования.

Словообразовательная категория идентифицирует ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения» [6.201-202].

Рассмотрение словообразовательных категорий как разновидностей ономасиологических категорий, в основе которых лежат абстрактные словообразовательные значения, требует разграничения собственно словообразовательных и лексических аспектов семантики производного слова.

В узбекском языкознании термин «словообразовательная категория» практически не используется, однако само понятие СК по сути применяется достаточно широко.

В фундаментальном труде А.Н.Кононова «Грамматика современного узбекского литературного языка» выделяются следующие рубрики, отражающие классификации производных существительных: «аффиксы, образующие названия лиц», «аффиксы, образующие имена существительные

отвлеченные и конкретные (названия предметов, орудий действия, места и т.п.)», «аффиксы, образующие формы субъективной оценки имен существительных». Если устранить терминологические расхождения, то речь идет об СК «деятель» (или «производитель действия»), «орудийность», «локативность», «отвлеченный процессуальный признак» и т.д. [4.103-106].

«Словообразовательные категории могут составлять часть более широких ономасиологических категорий или пересекаться с ними. Например, СК «производитель действия», «носитель признака, «женскость» пересекаются с ономасиологической категорией «лицо», которая может выражаться не только словообразовательными, но и лексическими средствами (ср. немотивированные лексемы **автор, брат, врач, друг, отец, мать**). В этом также находит свое проявление языковая асимметрия» [2.34].

Однако следует подчеркнуть, что и внутренняя организация словообразовательные категорий, как правило, проявляет черты асимметрии в плане соотношения формы и выражения производящих и производных слов и парадигматической дефектности.

В русском языке выделяются следующие словообразовательные категории имен существительных:

1. СК «отвлеченные процессуальный признак» (мигание, раздувание, веселье, мытье, развитие, стрижка, молотьба, ходьба и др.).

2. СК «отвлеченный непроцессуальный признак» (тонкость, свежесть, доброжелательность, изящество, первенство, лиризм, быстрота, прямота, белизна, новизна, глубина, тишина, ширь, высь, удаль и т.д.).

3. СК «деятель (производитель действия)» (хранитель, слушатель, мойщик, продавец, организатор, чугунолитейщик, погрузчик, подборщик, и др.).

4. СК «носитель признака» (ср. старик, озорник, садовник, часовщик, хитрец, теплица, половик, горчица и др.).

5. СК «носитель предметного признака» (банщик, барабанщик, рыбак, земляк, моряк, водопроводчик, москвич и др.).

6. СК «результат действия» (ср. слепок, подарок, обрубок, набросок, отпечаток, трещина, царапина, щепа, червоточина / выкормыш, заморыш, подкидыш и др.).

7. СК «орудийность» (умывальник, плавильник, кипятильник, давилка, цедилка, поилка, точилка, резец, молотилка, сеялка, сбивалка, скребок, и др.).

8. СК «локативность» (парилка, гладилка, жилище, училище, стойбище, караульня, сушильня, умывальня, спальня и др.).

9. СК «вместилище» (сахарница, бумажник, масленка, сокровищница, кормушка и др.).

10. СК «женскость» (соседка, пассажирка, узбечка, грузинка; красавица, мастерица, царица, любимица, певица, однофамилица, работница; львица, тигрица, волчица; свидетельница, избирательница, учительница, хохотунья, гостья, сватья; стюардесса, принцесса и др.).

11. СК «невзрослость» (совенок, щегленок, волчонок, кенгуренок, змееныш, утеныш и др.).

12. СК «совместность» (соавтор, сорежиссер, сотрудник, одноклассник, однокурсник, соплеменник и др.).

13. СК «единичность» (горошина, виноградина, снежинка и др.).

14. СК «вещественность» (древесина, оленина, телятина, зайчатина, индюшатина, сливки, черника, голубика, кофеин, ванилин и др.).

15. СК «собирательность» (детвора, ребятня, профессура, листва, ивняк, тряпье, вороньё и др.).

В узбекском языке выделяются следующие СК производных существительных:

1. СК «отвлеченный процессуальный признак» (олқиш «аплодисменты», суғориш «орошение, полив», ўқиш «чтение, учение», учиш «полет, териш «сбор, уборка (урожая)» и др.).

2. СК «отвлеченный непроцессуальный признак» (мос келмаслик «расхождение, различие», биринчилик «первенство», ёзмоқлик «возможность писания», жонкуярлик «преданность» и др.).

3. СК «деятель» (айбловчи «обвинитель», айбланувчи (юр.) «обвиняемый», бунёдкор «строитель, созидатель», ватанпарвар «патриот» и др.).

4. СК «результат действия» (кесик «порез», қолдиқ «остаток», ташландиқ «отбросы», ачитқи «закваска» и др.).

5. СК «совместность» (синфдош «одноклассник», ҳамфикр «единомышленник», ҳамсуҳбат «собеседник», бир миллатга мансуб «лицо одной национальности», ҳамсафар «товарищ по путешествию»).

6. СК «орудийность» (пичоқ «нож», ранда «рубанок», супурги «веник, метла», таёқ «палка, дубинка», болға «молоток», кетмон «кетмень» и др).

7. СК «локативность» (ботқоқ «болото», қишлоқ «деревня», овлоқ «укромное место», тошлоқ «каменистое место», ўрмонлик «лесистая местность», тепалик «возвышение, возвышенность» и др.). 8. СК «вместилище» (туздон «солонка», отхона «конюшня», кутубхона «библиотека» и др.).

Количество и состав СК имен существительных русского и узбекского языков наглядно демонстрируют зависимость систем сопоставляемых словообразования систем от наличия / отсутствия и особенностей семантики грамматических категорий. Меньшее количество СК в узбекском языке можно объяснить стремлением агглютинативных языков к компактному и более системному, чем во флективных языках, представлению языковой информации.

В сфере субстантивных категорий узбекского языка от-

сутствуют СК, полностью формируемые в русском языке» грамматических категорий рода и одушевленности – это СК «женскость» и «невзрослость».

Отсутствуют также СК «единичность», «вещественность» и «собирательность», формируемые в русском языке преимущественно «под контролем» категории числа. В целом русский и узбекский языки изоморфны по наличию категории числа, однако семантика единственного и множественного числа в этих языках существенно различаются, что и предопределяет специфику СК «единичность», «вещественность» и «собирательность» в русском языке. Этот сложный и интересный вопрос в данной диссертации не рассматривается, так как выходит за рамки асимметрии гендерных отношений.

Отсутствие СК «носитель признака» объясняется также «грамматической» причиной: прилагательное как часть речи в русском и узбекском языках имеют неодинаковый статус, что связано, с нашей точки зрения, с отсутствием категории рода в узбекском языке. Поэтому зона адъективной мотивации в узбекском языке несколько ослаблена. Этот вопрос нами также подробно не рассматривается.

СК «деятель» в узбекском языке объединяет отглагольные и отсубстантивные производные, причем, в отличие от русского языка, отсубстантивные производные в количественном отношении преобладают. Однако 8 словообразовательных категорий русского и узбекского языков в содержательном отношении являются в самом общем виде изоморфными (способы выражения тех или иных СЗ при таком рассмотрении отходят на второй план). Это составляет чрезвычайно обширную зону контенсивного изоморфизма двух сопоставляемых языков, в чем проявляется, на наш взгляд, обобщенность и универсальность словообразовательного значения, его способность выражать самые общие концепты человеческого мышления.

СК «производитель действия» также отсутствует в том виде, как она сформировалась в русском языке, где производитель действия реально может быть и лицом, и действующим предметом, и названием вещества (ср. **учитель, создатель, избиратель, двигатель, очиститель).**

В основе СК двух языков лежат следующие понятийные категории: «субъект, агенс,» (СК «деятель»), «объект» (СК «результат действия»), «орудие» (СК «орудийность»), «локус (место)» (СК «локативность» и «вместилище»), «комитативность (совместность)» «СК «совместность») «пол живого существа» (СК «деятель», а также СК «женскость» и «невзрослость» в русском языке) и транспозиционные СЗ, отражающие взаимодействие между частями речи на самом абстрактном уровне, «отвлеченный процессуальный признак», (взаимодействие глагола и существительного)» и «отвлеченный непроцессуальный признак» (взаимодействие прилагательного и существительного).

Состав СК двух сопоставляемых наглядно демонстрирует систематизирующую роль словообразования по отношению к лексике, так как каждая СК служит средством пополнения тех ЛГР, которые наличествуют в каждом языке: абстрактных существительных (СК «отвлеченный процессуальный признак» и «отвлеченный непроцессуальный признак» – для обоих языков), конкретно-предметных существительных (СК «орудийность», «локативность» и «вместилище» – для обоих языков; в русском языке к ним прибавляется также СК «единичность»), одушевленных существительных (СК «женскость», «невзрослость», «совместность» – для русского языка), личных существительных (СК «деятель» и «совместность» – для узбекского языка). ЛГР вещественных и собирательных существительные есть в обоих языках, но только в русском языке они находят словообразовательное «подтверждение».

В русском языке категории рода и одушевленности теснейшим образом взаимодействуют в организации системы СК, что проявляется прежде всего в организации СК «женскость» и «невзрослость», СК **«**деятель (производитель действия)», «носитель признака», «носитель предметного признака» включают производные одушевленные и неодушевленные, личные и неличные, наименования собственно предметов и зоонимы. Однако преобладающее число производных в их составе – существительные мужского рода одушевленные, это как бы семантический эталон данных СК, под который «подстраиваются» наименования животных и конкретных предметов.

СК «невзрослость» наглядно демонстрирует асимметричность русской словообразовательной системы по отношению к категории рода, доминирование в ней мужского рода. Ключевые слова в данной СК – лексемы **дитя** (средний род) и **ребенок, или детеныш** (мужской род), именно на слова мужского рода и ориентирована данная СК (в украинском языке слова типа **теля** – **теленок** среднего рода). Женский род оказывается исключенным из оформления данной СК.

Только мужским родом представлены производные СК «совместность».

Производные СК «орудийность» (все неодушевленные) распределяются между всеми тремя родами, но поскольку здесь наиболее продуктивными являются суффиксы позднего происхождения **-льник** и – **льня,** то средний род, представленный прежде всего дериватами с ныне непродуктивным суффиксом **–л(о),** является менее распространенным.

Модификационные СК, организуемые категорией числа – СК «единичность» и «вещественность» и «собирательность» - по родовой характеристике производных как бы ориентированы на женский род, хотя появление дериватов мужского и среднего рода, а также существительных Pluralia

tantum (только множественного числа – **сливки, опилки** и под.) здесь не исключено.

Закономерно, что среди производных СК «отвлеченный процессуальный признак» и «отвлеченный непроцессуальный признак», представляющих продуктивнейшие подразряды абстрактной лексики, преобладает средний и женский род.

Таким образом, каждая словообразовательная категория имен существительных русского языка воплощает особый тип соотношения с грамматическими категориями рода и одушевленности. Мужской род в системе словообразовательных значений ассоциируется с понятием лица и активного производителя действия, чем и объясняется его доминирование в целом ряде субстантивных словообразовательных категорий.

В узбекском языке регулятором семантики субстантивных словообразовательных категорий является категория лица-нелица, которая более строго, в соответствии с тенденцией агглютинативных языков, распределяет СК по бинарному принципу: относящиеся к сфере лица (СК «деятель» и «совместность») и относящиеся к сфере не-лица (СК «отвлеченный процессуальный признак», «отвлеченный непроцессуальный признак», «орудийность», «локативность», «вместилище», «результат действия»; личные существительные в последней СК единичны, например, **ташландиқ бола** «подкидыш»). В целом для системы субстантивных СК узбекского языка не характерно пересечение семантики лица-нелица (или «живого» и «неживого»).

В узбекском языке по семантике и формантному воплощению четко противопоставлены СК «наименование лица» и «орудийность», причем для первой категории характерна преимущественно субстантивная мотивация, а для второй – глагольная. Таким образом, СК «орудийность» в системе именных словообразовательных категорий русского и узбекского языков занимают разные позиции, отражая специфику грамматических категорий и сложившуюся систему мотивации, а также специфику способов словообразования.

СК «орудийность», хотя и является продуктивной и в русском, и в узбекском языках, поразному соотносится с СК «производитель действия» и «носитель признака» (в русском языке), «наименование лица» (в узбекском языке). СК «орудийность» в современном русском языке может быть представлена по принципу семантического поля: ядром данной СК являются отглагольные производные, включающие суффиксы **-льник, -лка,** а периферию составляют производные с суффиксами **-л(о), -ак, -ец, -арь**.

В русском языке СК орудийность по выражаемой семантике пересекается с СК «производитель действия», поскольку существительные на **-тель, -чик/-щик, -атор** и др. могут иметь как собственно агентивные, так и орудийные значения (**держатель, рыхлитель, счетчик, дозатор** и др.). Обособление СК «орудийность» от СК «производитель действия» связано с оппозицией суфф. **-льщик** и **-льник**, появившихся в русском языке в результате процесса переразложения: за суфф. **-льщик** закрепилось личное агентивное значение, а за суфф. **-льник** – исключительно орудийное.

В отличие от русского языка, в узбекском языке все форманты данной СК являются специфически орудийными.

Словообразовательные категории «совместность (комитативность)» русского и узбекского языков представляют собой наиболее изоморфные категории в системе субстантивного словообразования двух языков, причем проявляют частичный изоморфизм в аспекте формантного выражения, так как в узбекском языке для реализации СЗ «совместность» используется своеобразный префиксальный морф **ҳам-** (наряду с исконным аффиксом -**дош)**.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979.
2. Зализняк А. М. Словообразовательные категории как одно из проявлений языковой асимметрии //Вопросы грамматической асимметрии. – Т.:ТашГУ, 1989.
3. Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1989.
4. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.: АН, 1960.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981.
6. Манучарян Р. О. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. - Ереван, 1981.
7. Русская грамматика Т. I. – М.: Наука, 1980.
8. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. – М.: Русский язык, 1985.

Тошкент ахборот технологиялари университети,
2011 йил 14 мартда қабул қилинган
(Тақризчи: проф. А.Нурмонов)